

Здравствуй, человек!

Елена Соколова

Елена Соколова

Здравствуй, человек!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000453
Здравствуй, человек/ Елена Соколова: Мирт; Москва; 2009
ISBN 978-5-88869-246-2*

Аннотация

Это вторая книга Елены Соколовой. Она включает в себя повесть и несколько рассказов. Житейские истории, простые на первый взгляд, передают очень важные евангельские истины, которые учат читателя уважать позицию и мнение другого человека, не похожего на него, но не менее дорогого для своего Создателя.

Содержание

Ксения	4
1	4
2	27
3	56
4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Елена Соколова

Здравствуй, человек

Ксения

1

С шестого этажа на седьмой можно было бы, конечно, подняться и пешком, но Ксения всегда вызывала лифт и настойчиво дожидалась его, даже если лифт успевал вызвать кто-нибудь другой буквально из-под носа.

Нина открыла дверь квартиры и крикнула через лестничный пролет:

– Ты долго еще будешь стоять там? Давно бы пешком поднялась.

Ксения вошла в открывшиеся перед ней двери лифта и

нажала кнопку седьмого этажа. Лифт вежливо закрыл двери, качнулся, проехав один пролет, подпрыгнул и снова открыл двери.

Ксения вышла из лифта, подошла к закрытой двери Ниной квартиры и позвонила.

– Кто там? – послышалось за дверью.

– Издеваешься? – спросила вместо ответа Ксения.

Дверь квартиры открылась, и Нина раздраженно сказала:

– А ты не издеваешься, когда у лифта полчаса стоишь?

– Ну а зачем тогда он нужен, если пешком ходить? Команда конструкторов разработала такое удобство, а я высокомерно им пользоваться не стану?

Из кухни выглянул папа Нины и крикнул приветливо:

– Ксенечка, ты почему не проходишь? Опять моя Нина ворчит на тебя? Так ты иди со мной в шахматки сыграй.

Ксения прошла в кухню, поздоровалась и принялась расставлять белые фигуры на доске.

– Садись, садись, мы с тобой чайку еще выпить успеем.

Ксения уселась на табуретку, а Нина вошла в кухню и облокотилась на угол стены:

– Папа, когда ты перестанешь встревать в мои разговоры с Ксенией? Ты мешаешь! Нам с тобой не интересно, ты понимаешь это?

– Нет, – улыбнулся папа Нины, – мне кажется, что со мной очень интересно, а главное, мне с Ксенией очень интересно.

Нина вышла из кухни, сильно хлопнув дверью. Ксении

было неловко во время таких, довольно часто происходящих сцен. Неловко было видеть, как взрослого сильного мужчину, капитана дальнего плавания «отфутболивала» дочка-пятиклассница. Ксения росла без отца, и ей нравилось находиться рядом с этим добродушным человеком.

Доиграв партию в шахматы, Ксения извинилась и ушла в комнату за Ниной.

– Наконец-то! – сказала Нина, увидев в дверях Ксению. – Что ты боишься сказать ему, что не к нему пришла?

– Я не боюсь, просто с ним интересно.

– Не ври. Ладно, у меня тут поручение насчет тебя от пионерской организации школьной. Есть подозрение, что ты в Бога веришь. Это так? – при этом Нина просверлила Ксению взглядом. – В общем, ты должна сказать мне, что Бога нет.

Ксения молчала. В школе, в которой она училась, в коридоре на втором этаже, возле учительской и директорского кабинета, вся стена была увешана красочными богохульными карикатурами. На эту стену Ксения, сколько проходила мимо, не взглянула ни разу, и именно этот факт не давал покоя одноклассникам, которые стали рисунки подбрасывать Ксении на парту. Эти рисунки Ксения выбрасывала, не взглянув на них, опасаясь улыбнуться над юмором рисовальщика.

Нина вспылила:

– Это же смешно! В нашем современном мире быть такой глупой, чтобы слушать старушек и верить в Бога, да еще Его

бояться!

Ксения ответила:

– Самое глупое – это не бояться Бога.

Нина грозно взглянула на подругу и жестко проговорила:

– Скажи, что Бога нет!

Ксения глубоко вздохнула и, глядя в окно, сказала:

– Скажи, что у тебя нет папы.

– Что? – растерянно спросила Нина.

– Скажи, что у тебя нет папы. А если ты даже скажешь так, станет ли это правдой?

Нина долго молчала, потом подошла к окну и, стоя к Ксении спиной, спросила:

– Как ты думаешь, для чего человек рождается?

– Не знаю, – честно ответила Ксения.

Нина засмеялась и колко, ядовито даже ответила сама себе:

– Чтобы умереть. Говорят, что в двухтысячном году будет атомная война.

Ксения села на диван и сказала:

– Нам с тобой будет почти по сорок лет... Интересно, что будет с нами в сорок лет?

* * *

Ксения шагнула в лес и, оглушенная шумом листвы, с удовольствием, глубоко вдохнула запах и мощь пружини-

стых ветвей и прямых стволов. Каждый листочек на деревьях таинственно шуршал, спеша о чем-то рассказать этой уже взрослой сорокалетней женщине. А высоко над головой этой женщины, сквозь густые ветви деревьев, проглядывало голубое небо.

Как чудно устроил все Бог! Сотворив небо, и землю, и все, что на небе вверху и что на земле внизу, поэтапно, не в мгновение – хотя мог бы и так, – Бог, любя человека, подарил ему возможность наслаждаться исследованием и познанием Божьего разума, движением Божьей мысли через исследование и познание шагов, этапов и составляющих Его творения!

Ксения, сколько себя помнила, любила приходить в лес и слушать его тревожный шум. Еще совсем маленькой девочкой, однажды на даче, когда мама заплетала ей жиденькие косички, Ксюша приложила пальчик к губам и сказала:

– Тише. Слышишь? Деревья шепчутся...

Ксения улыбнулась этим воспоминаниям и погладила ветку дерева. Под ногами ковром лежали опавшие листья. Они, эти листья, совершили свою миссию и теперь истлевали, став подкормкой для дерева, с которого осыпались.

Ксения просматривала свою жизнь, словно крону дерева, сложившуюся из отдельных малозначащих листочков-событий и переживаний, которые в свою очередь стали подкормкой для ума, пробуждая желание стремиться ввысь и просто наслаждаться каждым днем, подаренным жизнью. Уже не имели значения подвиги и свершения, радовало само при-

существование в этом мире, таком простом и искреннем. Радовал каждый человек, пришедший однажды в этот простой и искренний мир, и радовала каждая встреча, соприкосновение с человеком, словно соприкосновение с иным миром, а при встрече радовал взгляд, если не было слов.

Чего же на самом деле искала душа среди всего того, что совершалось вокруг?

Во дворе, в котором Ксения провела свое детство, над подъездом дома был козырек. Козырек этот во время дождя протекал. Однажды пришли незнакомые дяди и аккуратно обложили его железом. Ксения смотрела на сильные руки мужчин. Она была счастлива. Глупо? Но это было так. Что именно давало это самое ощущение счастья? Забота о ней незнакомых людей. Кто-то что-то делал для нее.

Иллюзия заботы рухнула в тот момент, когда Ксения увидела, как жители подъезда рассчитались с работниками водкой. Оказывается, все дело не стоило ее или кого-то другого, оно стоило пары бутылок. Вода во время дождя не капала. Козырек был отремонтирован добросовестно, но не осталось места душе. На высоте, как всегда, оказалась выгода. И так происходило всегда, словно кто-то смеялся над ее наивностью и пытался доказать, что нет в этом мире места ни благородству, ни добродетели. Побеждает расчет, а значит, каждый ищет своего, а не пользы другого. Нет смысла быть благородным. Невыгодно быть добродетельным. Отвыкай место для себя, иначе потеряешь и то, что имеешь.

Ксения не сдавалась, она искала доказательств того, что добро побеждает зло, что душа дороже денег, что весь мир не стоит одной слезы ребенка.

Лес шумел. О чем он шумел? Ксения тяжело вздохнула и, повернувшись в сторону дороги, направилась к припаркованной на обочине машине, села за руль и выехала на трассу.

Через полчаса Ксения въехала в город. Здесь, в городе, тоже были деревья, но они не шумели. Воткнутые между домами, деревья старались не беспокоить людей, живущих в этих домах. Бог одарил этих людей интеллектом, благодаря которому появилась возможность оценить великолепие сотворенного Богом мира. Интеллектуального человека Бог поставил царем над природой, а человек, погруженный в цивилизацию и увлеченный ею, терял саму жизнь и свою силу. Яркие рекламы на оживленных проспектах выпячивали самые яркие признаки болезней человеческой души. Рекламировалось все то, что могло сделать крутым и недостижимым для тех, кто еще не заимел того, что сможет сделать крутым и недостижимым, а значит, нужно поднажать, но обязательно, если не перепрыгнуть, то хотя бы допрыгнуть.

О, где же эта сердечная мышца? Где то самое откровение, которым должно двигаться сердце?

Природа стенала в ожидании откровений, которые человек должен был приносить в этот мир. Деревья в городе, задышавшись от выхлопов машин, старались выжить от осени до осени. Город с высотными домами встретил Ксению и пробудил в ней желание поднять голову и взглянуть свысока на бедных и старых. Ксения уловила этот поток чувств и «налегла на весла», чтобы не попасть в него. Живой, сильный и настоящий лес оставил в душе и в сердце прочное основание, дающее уверенность, что нельзя сдаваться.

Ощувив ответственность за свое преимущество находиться за рулем, Ксения затормозила и уступила дорогу пешеходам, бегущим на автобусную остановку. Всегда был выбор: продемонстрировать свою силу или дать почувствовать другому, что он важен, и ради него приструнить, ограничить это самое преимущество и силу.

Среди пешеходов была женщина с двумя детьми, которые бежали быстрее своей мамы и тянули ее за руки, словно желая оторваться, как листья на деревьях, рвущиеся к свету с раскачивающихся ветвей. Эти «листья» еще не знали, что

скорость их падения прямо пропорциональна силе их рвения. Мама не спешила и, уже зная о чем-то в этой жизни, держала своих малышей крепко за руки, удерживая при себе, пряча от взрослой жизни.

За переходом, не управляемым светофором, а обозначенным только «зеброй», Ксении улыбнулся работник ГАИ. Ксения улыбнулась ему в ответ и поехала дальше, по дороге успевая улавливать выражения лиц водителей машин, идущих навстречу.

Особую группу среди водителей составляли лица со сжатыми губами и напряженными скулами. Эти люди выезжали на дорогу, как на фронт, чтобы доказать свое влияние здесь, на трассе, не сумев, по-видимому, сделать этого в своем доме и на службе. С остервенением выворачивая несчастные колеса и разгоняясь от светофора до светофора, водители эти «строили» тех, кто ехал рядом. А сами машины помятыми боками и растрескавшимися фарами выдавали сущность тех, кто ими управлял. Такие же раны зияли на душах тех, кого brave воины оставляли в своих домах.

Чем же движим человек? Или, вернее, что движет человеком?

А ведь не что иное, как убеждение! И сколько людей, столько убеждений. Кто-то убежден, что нужно делать зарядку утром, кто-то убежден, что днем. Кто-то убежден, что не должно быть богатых, что все должны быть бедными. Кто-то убежден, что мужчины и женщины равны и не имеют

отличий... Люди умирают за свои убеждения. Все революции, войны происходили под влиянием людей убежденных, а отказаться от своих убеждений для них было равносильно смерти.

И тут перед Ксенией, вокруг нее, осязаемо появились и заискрились слова из Евангелия. Такие привычные и простые: «Кто не берет креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня!» «Крест» – это не трудности в жизни, их мы не выбираем. Крест можно взять или не взять, а за Христом следовать... Отказаться от своих убеждений – это и есть «взять свой крест» и «сораспяться Христу». Это смертельно больно.

Страшно то, что масса людей следуют за Христом, сохраняя при себе свои убеждения, то есть, не беря свой крест, и по этой причине они так и не могут стать Его учениками. Они Его словом отстаивают свои убеждения, отыскивая подходящие фразы.

«Иго Мое легко и бремя Мое сладко!» – почти смеялась от радости Ксения, – конечно, когда человек берет свой крест, то ему становится легко, он освобождается от непосильного бремени пытаться изменить другого или как-то по-своему влиять на других. Каждый человек принимается таким, какой он есть. «Кто-то ест и благодарит, кто-то не ест и благодарит... живем ли умираем ли, все Господни!»

Когда-то пугающие и непонятные слова выстроились и Ксения, перехватив дыхание, прошептала:

– Господи, как все просто!

«И будет Он сетью, камнем преткновения; кто на Него упадет, тот разобьется, и на кого Он упадет, того раздавит...»

«Он» – это не кто иной, как Сам Иисус Христос!

Человек, который убежден, что грешник должен быть непременно наказан, чувствует себя подавленным, когда видит, что Христос этого грешника прощает. Человек, имеющий убеждение, разбивается, когда видит, что Бог есть все-таки любовь, а не справедливость и что милость превозносится над судом. Убежденные люди разбиваются о благодать и подавлены ею.

«Завяжи свидетельство и запечатай откровение при учениках Моих!!!» Открывает Слово Христос только Своим ученикам.

В плотном потоке машин, среди которых двигалась Ксения, справа от нее образовалось пространство, в которое можно было бы проскочить к ближайшему перекрестку. Этим решил воспользоваться водитель обшарпанного грузовика с длинным прицепом, но для грузовика расстояние между машиной Ксении и машинами, идущими справа от нее, было недостаточно, с чем водитель этого самого грузовика считаться не стал, увидев, что за рулем женщина. Он бойко вывернул руль, прогрохотал мимо Ксении, выломав на ее машине зеркало правого вида, и промчался к перекрестку, пытаясь скрыться.

Ксения вывернула руль и помчалась за ним. Водители других машин, оказавшиеся свидетелями этого инцидента, уступили Ксении дорогу.

Уже за перекрестком грузовик с длиннющим прицепом мчался по улочкам, пытаясь отделаться от не отстающей от него машины, с которой он сбил зеркало.

Грузовик мчался к металлургическому заводу, но, когда он готов был проскочить в открывшиеся перед ним ворота, машина без зеркала обогнала его и, преградив путь, остановилась.

Водитель грузовика с перекошенным от злости лицом вышел из кабины и, небрежно глядя на Ксению, спросил:

– В чем дело?

Ксения, не выходя из машины, через опущенное стекло ответила вопросом:

– А ты не знаешь?

Водитель грузовика ухмыльнулся и набрал чей-то номер по сотовому. Ксения в свою очередь набрала номер мастерской, где обычно ремонтировалась, и узнала, сколько будет стоить зеркало.

Минут сорок Ксения сидела в своей машине, а водитель грузовика – в своей. Наконец, подъехала к воротам завода «Нива», и из нее вышли трое мужчин – один здоровенный и двое маленьких.

«Шкаф и две тумбочки», – про себя отметила Ксения и вышла из своей машины.

Те трое подошли к ней. Тот, который «шкаф», заигрывающе улыбаясь, спросил:

– Ну, что у вас случилось?

Ксения, жестко глядя на здоровяка, ответила:

– Случилось то, что водитель твой сместил меня с моего ряда, сбил зеркало и пытался скрыться. Ты объясни ему, что хамство на дороге дорого стоит.

Пропустив речь Ксении мимо ушей, «шкаф» мило улыбнулся и кокетливо спросил:

– А что же вы ГАИ не вызвали на месте?

Ксения всегда ненавидела эти дешевые трюки мужчин, на которые те рассчитывали купить любую женщину, и, поняв к чему все дело клонится в данной ситуации, жестко, не моргая глядя в глаза здоровяку, сказала:

– Ты сюда с ребятами приехал? Ты думаешь, я в этом мире одинока?

«Шкаф», в мгновение ока сменив кокетливый тон голоса на деловой, сдвинул брови и спросил:

– Сколько стоит зеркало?

Ксения, не сводя взгляда со «шкафа», не повышая голоса, ответила:

– Стоит восемь. Мне поставят за пять. Так что пока – пять. Еще пара вопросов – и будет больше.

«Шкаф» молча отошел от Ксении и подошел к водителю грузовика. Там они, уже вдвоем, отсчитали пять тысяч, «шкаф» подошел к Ксении и, с уважением глядя ей в глаза,

протянул купюры.

Ксения пересчитала деньги, села в машину и включила зажигание. Отъезжая от ворот завода, она мельком взглянула на водителя грузовика, который смотрел ей вслед не просто растеряннo, а совершенно потеряннo.

Ксения, держа курс в сторону автосервиса, где ее уже ждали, анализировала приключение. Она прекрасно понимала, что со своими сыновьями, которых у нее шесть, и с их непохожими характерами прошла такую школу в области отношений и психологии, о которой можно было бы только мечтать любому руководителю любого предприятия.

В автосервисе поменяли зеркало быстро, но долго спрашивали, где она это зеркало умудрилась потерять. Ксению передернуло от насмешек, и она, насколько только могла, кратко рассказала случившуюся историю.

Владелец автосервиса, глядя на Ксению круглыми глазами, сказал:

– А ты знаешь, с кого сняла деньги? Это бандиты, которые нелегальным вывозом металла занимаются. Ими полгорода куплено.

Ксения пожала плечами:

– Мне все равно, мне без зеркала ездить неудобно.

Авторемонтники смотрели на Ксению, пока она не выехала за ворота автосервиса. А Ксения, как всегда, не теряя времени напрасно, рассуждала по дороге домой о том, почему мужчины так усердно подпитывают в себе убеждение, что

женщина – существо по всем показателям отсталое и роль ее лишь в том, чтобы с восхищением принимать от мужчины парниковые условия существования, созданные им для нее.

Эти порножурналы, картинки из которых были расклеены по грузовикам и мастерским, выпячивающие огромную грудь и широченные бедра, и есть стремление скрыть за этими объемами внутренний мир женщины, ее интеллект. А причина? Страх оказаться слабее? Или что-то более существенное? Так или иначе, жизнь женщины до сих пор остается ущербной. Все, что может женщина позволить себе на полную катушку, – это дарить свой мир детям, и именно от высокоинтеллектуальных женщин мир получил великих мужчин, таких, как Соломон, сын Вирсавии, Моисей – Иохаведы, Самуил – Анны, да и Сам Иисус Христос был вверен в руки Марии, Благодатной, как назвал ее Ангел, к ней обратившийся.

Ксения, читая библейские истории, восхищалась разумными поступками людей – героев Библии. Однажды она прочитала в книге «Притчи Соломона» о том, что оказывается, разум и мудрость можно у Бога попросить и что Бог дает разум и мудрость без упрека каждому, кто об этом просит! С этого мгновения Ксения каждый день, как голодный просит хлеба, просила у Бога мудрости и разума.

Дома ее мальчишки, восемнадцатилетний Антон и пятнадцатилетний Никита, сидели в кухне за столом, уплетали виноград и смотрели фильм про летчиков.

– Мамуль, привет! Где была? Почему так долго?

Ксения кинула на дверцу шкафа плащ, коротко ответив:

– Привет, родные люди, деньги с бандитов снимала.

Мальчишки уставились на свою маму. Никита, в своей манере говорить прерывисто и ставить точку почти после каждого слова, спросил:

– Подробности нам станут известны?

Ксения ответила:

– Вам – да, – и, подойдя к винограду, рассказала всю историю с зеркалом.

Никита спросил скорее себя самого, чем маму:

– Почему люди бывают злыми и наглými?

– Знаешь, – ответила Ксения, – Бог не помиловал.

– Как это?

– Помнишь, как о фараоне египетском сказано: «Ожесточил Бог сердце фараона»? Не расположен был Бог к этому человеку, чтобы дать ему доброе, мудрое сердце. За добрые поступки Бог награждает. Быть добрым – это возможность заработать. Не всем Бог предоставляет такую возможность, не всех трудоустраивает, понимаешь?

– Страшно быть злым, – вздохнул Никита.

– Очень страшно! – подтвердила Ксения.

Во входной двери квартиры в замке повернулся ключ. Это пришел с работы папа.

– Ксения, ты когда-нибудь научишься вешать свои вещи на место? – слышались первые слова его приветствия. –

Сколько можно говорить?

Андрей вошел в кухню:

– Чьи кроссовки мне под ноги попали? Искать теперь будете их долго! Ты, Никита, посуду так и не вымыл? А я с утра тебя просил об этом.

Говорил Андрей всегда громко, потому как всю жизнь проработал на шумном грузовике и привык перекрикивать его мотор.

Никита ответил:

– Пап, я заботился о своем светлом будущем и в школе добывал знания, только что пришел, как и ты. А мы тут с мамой о злых людях рассуждали, как раз...

– Где ты их видел, злых людей? Меньше у телевизора сиди. А у тебя, – это было к Ксении, – почему «габаритки» в машине не выключены?

Антон поднялся из-за стола и сказал Ксении:

– Мам, давай ключи, я выключу фары. Там в холодильнике тебе салат остался.

Андрей уставился на всех присутствующих и обиженно спросил:

– Я плохой, значит, тут у вас всех, да? Только мне одному порядок в доме нужен?

Ксения поставила перед собой салат. Никита достал из хлебницы хлеб и как бы невзначай сказал:

– Мне сегодня грамоту выдали.

Ксения восторженно взглянула на Никиту и спросила:

– За игру по физике, где ты весь класс на первое место вывел?

– Да.

Ксения отодвинула салат и направилась в Никиткину комнату, по пути спросив:

– Где она?

– На моем столе, – крикнул Никита вслед.

Ксения несколько раз прочитала грамоту с текстом: «За блестящие знания по физике». В комнату вошел Никита:

– Удивлена?

– Нет, – ответила Ксения, – я всегда знала, что ты умный мальчик. Приятно, что это заметили и твои учителя. Андрей! Посмотри, какую грамоту твоему сыну вручили!

Андрей вошел в комнату и внимательно прочитал грамоту.

– Молодец! – сказал он. – Вот если бы еще в школу опаздывать перестал, было бы совсем хорошо.

– Пап, а можно без ядовитых добавок? – спросил Никита.

– Так чем больше яда, химии, так сказать, тем натуральнее цвет и вкус у продуктов, – ответил Андрей. – Ты что, по магазинам не ходишь?

Все долго смеялись, потом вернулись в кухню и продолжили смотреть фильм про летчиков, в котором лица актеров становились величественными в моменты совершения ими подвигов.

Ксения всматривалась в эту жажду мужчины хоть в чем-

то для кого-то стать героем. Не важно, какого уровня был подвиг: спасение людей, предотвращение катастрофы, милостивое одолжение денег нуждающемуся, ремонт табуретки, перетаскивание тяжелых сумок... Закрепить бра в своем доме – это рутина, но сделать это же самое одинокой старушке – это поступок!

В своем доме могло не быть ни воды, ни хлеба, но вода и хлеб обязательно были доставлены в чей-то дом, обитатели которого смогут сохранить в себе щемящее душу чувство признательности. Этот обман, называемый широтой души, словно кислота, разъедал души и жизни людей, находящихся непосредственно на попечении героев. Отправляясь за подвигом, мужчина оставлял своих близких, которые вынуждены были ежедневно сами совершать подвиги: спасать свои жизни, предотвращать катастрофы, просить денег в долг, перетаскивать тяжелые сумки...

Ксения смотрела на экран, и слова Христа становились особенно понятными, когда Он говорил о том, что пришел к Своим и не мог отнять хлеб у Своих, и когда учил людей управлять домом своим. Даже совершая величайший подвиг спасения всего человечества, там, на Голгофе, Иисус Христос не оставил Свой дом пустым, поручив Свою мать на попечение Иоанну.

Из школы вернулся младший сын Сережа. Он кинул портфель у двери и махнул рукой:
– Всем привет!

Ксения поднялась от стола и подошла к Сереже, который, вымыв руки, направился к компьютеру:

– Есть хочешь?

– Нет, я в школе поел.

– Ребята салат приготовили...

– Мама, я худею, ты же знаешь.

Ксения села рядом с Сережей возле компьютера и спросила:

– Нас сегодня ругали в школе?

– Сегодня нет, – ответил Сережа, глядя на монитор, – даже четверку получил по русскому!

Сережа принялся быстро перебирать пальцами кнопки клавиатуры:

– Я уже на восьмой уровень перешел!

– А всего их сколько?

– До бесконечности. Только мои приятели на четвертый попасть не могут, а я уже на восьмом!

– Молодец! Я даже помню, как ты в четыре года говорил плохо, читать не умел, а любую игру находил, сам включался, «иссталиловался» и выключался, а однажды загадочно спросил: «Никит, а как мы в компьютер научились играть?»

Сережа рассмеялся:

– Да, потому что я как не помню, когда научился ходить и говорить, так и как с компьютером обращаться.

В комнату вошел Антон и подхватил разговор:

– А я помню, как у нас клуб компьютерный открылся и, когда мы все первый раз пришли туда, Сережа в своей шубке на стульчик забрался, «комп» включил, а к нему администратор подошел и предложил свою помощь, а Сережа сказал: «Не, мне не надо». А когда играть начал, вокруг него собрались взрослые дяди и спрашивали у него, как он перешел на тот или другой уровень, и Сережа их учил!

Раздался телефонный звонок. Часть проживающих в квартире людей смотрела фильм, часть следила за игрой на «компе», а телефон все звонил и звонил, в общем-то, мешая всем одинаково. Наконец Никита дипломатично заметил:

– Мама, если снять трубку, он перестанет звонить.

Ксения подошла к телефону:

– Алло!

В трубке раздался голос Никиткиного друга:

– Привет, Серый! Никита дома?

– Привет, – ответила Ксения. – Никита, это тебя.

Никита подошел к телефону и после недолгого разговора, положив трубку, сказал:

– Мам, Ванек извиняется, что тебя с Серегой перепутал.

Ксения улыбнулась:

– Да ничего, даже приятно.

В комнату вошел Антон и лег на тахту, закинув руки за голову. Ксения села возле него и провела рукой по его голове, вздохматив густую шевелюру волос.

На тахту забралась собака – рыжий шарпей – и растянулась во всю свою длину.

– Каспер, – проворчал Антон шарпею, – только тебя здесь не хватало!

Каспер почавкал и закрыл глаза. Антон тоже закрыл глаза и, зевнув, спросил у Ксении:

– Что интересного расскажешь?

– Из жизни вечной или из этой жизни? – уточнила Ксения.

– На твое усмотрение. Я тебя в последнее время практически не вижу.

– Может, лучше ты о себе расскажешь?

– А что могу рассказать я? Настроение «на нуле». Мои любимые женщины пошли работать, и я себя чувствую брошенным и потерянным.

– И кто эти женщины?

– Мамочка, не нужно притворяться глупенькой. Конечно, это ты и Лена. Может, и мне пойти на работу устроиться?

– Тебе учиться надо. Ты умный. Работать надо, если... –

Ксения не закончила, услышав Антошкино сопение.

Андрей, досмотрев до конца фильм, выключил телевизор, выйдя из кухни, остановился в дверях комнаты и спросил Ксению:

– Уложила ребенка и собаку? Иди теперь со мной полежи.

Ксения осторожно поднялась с тахты и прошла за Андреем в другую комнату.

– А жизнь-то у тебя какая! С тем посидела, у того полежала, около другого постояла... – зевнул Андрей.

Ксения не смогла заснуть, она обдумывала вопрос Никиты о злых людях. Ведь попадались во все времена добрые люди в руки людей злых. Бог не избавлял от этого. Христиане пережили и голод, и войну. Почему? Ответ пришел очень неожиданно. Но ведь «Бог Сына Своего не пожалел...» Всплыли слова: «Только Его жертву Я приму...» Именно так. В определенных трудностях проливали слезы христиане, и слезы их принимал Бог, чтобы помиловать всех, живущих рядом, в этих же трудностях.

«Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков...»

Ксения перебирала в шкафу детские вещи, которые уже давно были малы ее парням. Вещи эти попросила соседка для своего внука. Глядя на коротенькие штанишки и маленькие рубашечки, она вспоминала времена, когда для ее сыновей все самое простое в этом мире было невероятно интересным для исследования, например вода! Вода – это что-то сверхзамечательное! Если возьмешь чашку и поднесешь ее к струе, то образовавшийся водопад продолжит форму перевернутой вверх дном чашки. Опустить чашку ниже – и вода начнет бить по ней, а брызги разлетятся в разные стороны. Поднимешь чашку к самому крану – и вода польется в форме зонтика, а если прижмешь чашку к крану вплотную, то вода забьет во все стороны...

Максим с восхищением смотрел на фокусы, которые Миша проделывал с водой, бегущей из-под крана, потом зачем-то побежал в комнату. Из комнаты он появился со стопкой тарелок, которые достал из серванта. Максим нес столько тарелок, сколько унести не смог. Когда тарелки с грохотом рухнули на пол, из ванной выскочила Ксения, бросив стирку, выхватила из груды осколков Максима и поставила в кухне возле раковины.

После этого она решила помочь Мише домыть посуду, но проснулся Данилка и разбудил Антошку.

Ксения выключила воду, вытерла Мишу и Максима, взяв их за руки, привела в комнату и посадила на диванчик, дав в руки яркую книжку.

Пока разогревалась смесь для кричащего Антошки, Ксения переодела мокрого после сна Данилку и посадила его на стульчик возле маленького столика, поставив перед ним коробочку с кубиками.

Наконец Антон с удовольствием принялся потягивать через соску вкусную смесь из бутылочки, поглядывая по сторонам.

Миша, перелистав в книжке картинки и объяснив Максиму, что к чему, дошел до нарисованной желтой милицейской машины.

– Это машина, в которой милиция ездит, – сказал Миша. Максим спросил:

– А куда она ездит?

Ксения пояснила Мише:

– Миша, Максим думает, что милиция – это такая тетя, которая ездит в желтой машине.

Миша внимательно посмотрел на Ксению, потом спросил:

– А она что, не в желтой машине ездит?

Ксения ничего не ответила и сосредоточилась на бутылочке со смесью, которой становилось все меньше.

Данилка за это время перебросал все кубики из коробочки на пол и стал капризничать. Ксения докормила Антона, положила его в кроватку и повесила над ним длинную яркую

погремушку. Потом налила компоту Максиму и Мише, после чего послышалось их довольное причмокивание, сквозь которое Максим спросил:

– Мама, а это папа компот варил?

Ксения ответила:

– Да, папа.

Максим спросил:

– А зачем он в ягоды косточки «насувал»?

– Чтобы вы считать быстрее научились. Сколько косточек ты уже выловил?

– Пять, – сказал Максим радостно.

– А я четыре! – сосчитал Миша.

– А я, а я... а я сколько? – заерзал на стульчике Данилка, которому Ксения компот налила без ягод.

– А ты, – сказала Ксения, – сегодня поспал лучше всех!

Данилка весело затараторил:

– Я паля, паля... и вот!

– А тем, кто «паля» лучше всех, положено пойти на прогулку!

– Ура-а-а! – запрыгали на диване Миша и Максим.

Миша оделся самый первый, Даньку Ксения одела сама и почти одела Антона, когда к ней подошел Максим, сосредоточенно застегивая пуговики на кофточке. Он долго определял, где самая верхняя пуговка и самая верхняя петелька, чтобы правильно соединить две половинки этой кофточки, и спросил:

– Мама, а где дырочка для этой пугавки?

Ксения посмотрела на кофточку и ответила:

– Это запасная пуговка.

Максим аккуратно застегнул все пуговики и надел курточку, на которой не смог найти одну «пугавку». При этом петелька для той самой отсутствующей «пугавки» была. Через пару секунд он спросил:

– А это запасная петелька?

Ксения посмотрела на курточку, посадила Данилку на стульчик и ушла в комнату за иглой с ниткой.

За Ксенией увязался Миша:

– Мама, а когда мой день рождения?

– В феврале.

– А когда мы поедем в февраль?

– Очень скоро.

– Мама, я описаюсь! – захныкал Максим.

Ксения помогла ему снова раздеться и посадила на горшок. Зачем после этого Максим полез мыть руки, не понятно, только вода затекла к нему в рукава, и он истошно заорал, что ему там, в рукавах, противно и мокро.

На этот крик среагировал Антон и тоже заорал, сидя в своей коляске, решив, что произошло что-то страшное.

В дверь позвонили. Эта была подруга Ксении Нина, которая забежала, чтобы спросить расписание женской консультации. Нина избавлялась от очередной нежелательной беременности.

Увидев через открытую дверь в ванной гору невыстиранного белья, разбросанные по коридору игрушки и орущих под дверью детей, Нина спросила:

– Все рожаешь? Твой Бог не разрешает аборты делать, а жить в такой обстановке разрешает? Вот так любовь Бога к Своим детям! А я, знаешь, весь месяц по Крыму ездила, теперь никак не могу в ритм обычной жизни войти.

Ксения ничего не ответила и молча протянула Нине листок из записной книжки с расписанием.

Нина не унялась:

– Нищету плодишь? Как только вы все помещаетесь в этой квартире? Думаешь, твое государство даст тебе другую?

– Мы на очереди стоим. Ребята хорошо одеты, я шью и вяжу на них... – попыталась защититься Ксения.

– А когда они все вырастут? С вами стыдно будет здороваться!

Нина ушла, Ксения собрала всех детей и вышла с ними на площадку.

В песочнице Ксения с Мишей построили широкую дорогу, по которой за веревочку катали грузовик. Максим нагрузил свой грузовик песком и катал его по луже. Брызги летели из-под колес как от настоящей машины, и Данилка бегал за Максимом, с восторгом повизгивая.

Максим закричал:

– Я папа! Я еду на стройку!

Миша выкатил свой грузовик из песочницы и помчался

наперегонки с Максимом с воплем:

– Я тоже папа! Я тоже еду на стройку!

К Ксении подошла пожилая женщина с ребенком, которого держала крепко за руку, и спросила:

– Вы что, не видите, что ваши дети делают?

– А что они делают? – спросила Ксения. – Грабят кого-то или бьют?

– Они у вас по луже бегают! Представляю, что из них вырастет! Родить, милочка, мало, детей нужно воспитывать!

Миша и Максим почему-то сразу расхотели играть и запросились домой. Ксения собрала все игрушки и покатила Антошку в коляске к дому. Все молчали. Дома Ксения передела, отмыла ребят после прогулки и зашла в кухню. Открыла буфет, взяла с полки пакет с горохом, чтобы достать стоящую за пакетом коробку с вермишелью. Пакет лопнул, и весь горох рассыпался по полу. Ксения, потеряв остатки сдержанности и мужества, села на табуретку посреди кухни и абсолютно отрешенным взглядом уставилась в пол. На шум рассыпавшегося по полу гороха прибежали из комнаты Миша, Максим и Данилка, которые до этого прыгали по дивану. Они увидели маму и молча принялись ползать по полу, собирать в ладошки рассыпавшийся горох, а Миша приговаривал:

– Мам, ты не расстраивайся, у меня, например, тоже такое бывает...

Ксения устало улыбнулась и поставила посередине кухни

большую миску, в которую из детских ладошек весело застучал горох.

Вечером, когда Андрей вернулся с работы, Ксения читала Библию, но слова Нины перебивали слова священного текста, и Ксения прошептала:

«Господи, я благодарна тебе за то, что Ты не стыдишься нас и любишь бедных и богатых. Я знаю, что если действительно важно все то, что сказала сегодня Нина, то Ты решишь эти вопросы. У меня нет времени думать обо всем и не хватает сообразительности. Помогите нам».

– Ты о чем бормочешь? – спросил Андрей.

– Нина заходила сегодня, – ответила Ксения и пересказала разговор с подругой.

Андрей сказал:

– Я расстался со всеми своими друзьями, потому что они не смогли понять моего образа жизни. Может, тебе сделать

то же самое со своей школьной подругой? Напиши ей прощальное письмо, например...

Ксения вздрогнула при слове «письмо» и сказала:

– Я напишу! Я в Москву напишу про то, что нам нужна квартира.

Ксения взяла лист бумаги и авторучку и принялась составлять письмо в Москву. Аккуратно запечатала конверт и на следующий день, во время прогулки с малышами, опустила конверт в почтовый ящик.

По дороге к дому Ксения столкнулась с Ниной.

Ксения сказала весело:

– Я письмо отправила в Москву, чтобы нам квартиру дали!

Нина взглянула на Ксению как на больную и ответила:

– В Москву пишут со всей нашей необъятной Родины! Так ты никогда квартиру не получишь!

...Ответ из Москвы Ксения с Андреем получили через три месяца в виде пяти вариантов новых квартир, предложенных горисполкомом.

Очень скоро семья переехала в новый район Рыбацкое, в четырехкомнатную квартиру. Ксения сняла с книжки накопленные деньги, которые включали в себя отпускные, декретные и детские пособия, и, заняв за три часа до открытия мебельного магазина очередь, смогла купить великолепную чешскую жилую комнату. Этим гарнитуром, двумя кроватями и кухонным столом со стульями, купленными вдобав-

вок на оставшиеся деньги, была обставлена новая квартира, а буквально через два месяца произошло печальное событие в государстве – обесценились все деньги и остановились все очереди на квартиры в исполкомах города.

Произошел развал СССР.

* * *

Утро 5 мая 2006 года для Ксении обещало быть суматошным. Перед работой ей нужно было успеть занести соседке пакет с детскими вещами и съездить с Никитой в поликлинику.

Ксения заварила кофе и, потянув носом кофейный аромат, прищурила глаза от удовольствия.

В кухню вошел Никита:

– Мама, мы не успеем. Давай быстрее.

Он уже был готов выходить и смотрел на маму. Ксения проворчала:

– Никса, ты же знаешь, что выпить кофе для меня – ритуал. Не стой над душой.

– Мама, мне еще в школу нужно успеть.

– А мне на работу.

– Тем более.

Ксения сделала бутерброд с сыром, и мгновенно возле ее ног оказался Каспер – рыжий шарпей. Ксения отодвинулась от него подальше и откусила кусочек от бутерброда. Каспер

нервно заерзал и пошевелил хвостом. Ксения откусила еще кусочек, Каспер приподнялся, вытянул шею и коснулся мордой локтя Ксении, подсказывая ей, что он, Каспер, тут, рядом. Ксения вздохнула, посмотрела на собаку, потом на бутерброд и отдала бутерброд собаке, а себе сделала другой.

Ксения спешно допила остатки кофе и быстро собралась.

На машине они с Никитой доехали до поликлиники. Ксения припарковалась и только в здании поликлиники вспомнила про бахилы.

– Никита, – сказала она, – у меня нет мелочи, а с тысячной купюры в гардеробе сдачи не наберут.

Никита вздохнул и, достав из кармана десятирублевую бумажку, сказал:

– Ладно, сегодня я угощаю.

Никита подошел к стойке гардероба, облокотился на косяк, положил десятирублевку на стойку и объявил гардеробщице:

– На все!

Гардеробщица весело выдала две пары бахил, в которых Ксения и Никита поднялись на второй этаж к кабинету.

Народу возле кабинета было много. Ксения оставила Никиту на диванчике, а сама спустилась к регистратуре и подошла к киоску, в котором продавались детские книжки.

– Что желаете? – спросила продавщица.

– Сказки, раскраски – все равно, – ответила Ксения.

– А для какого возраста?

– Девятый...

– На девятый годик у меня много чего.

– Девятый класс.

Продавщица рассмеялась:

– Тогда сами выбирайте.

Ксения купила сказки с яркими картинками, раскраски и бутылочку с мыльными пузырями. После этого она поднялась к кабинету и вручила покупки Никитке, сказав:

– На, это тебе, чтобы у доктора вел себя хорошо.

Никита радостно взял книжки и пузыри:

– Вот спасибо, мамочка! Особенно за пузыри.

Ксения, ожидая своей очереди, рассматривала людей и всматривалась во взаимоотношения между детьми и родителями. Ксения уже давно не была в поликлинике, и ее поразила огромная разница между тем, чем занимались родители в очередях десять лет назад, и тем, чем занимались родители сегодняшние в этих же самых очередях. Когда-то поход к врачу был особым проявлением заботы о своем чаде, и мамы копались в толстых медкартах, исследуя записи в них, отыскивая то, о чем могли умалчивать врачи, боясь расстроить родителей. В коридорах поликлиник царила тишина, и все состояние души родителей фиксировалось на ребенке, на его здоровье и благополучии.

Что же стало теперь? Ксения видела совершенно отчужденных друг от друга детей и родителей, а некоторые семьи просто шокировали своими уродливыми отношениями.

Вот, например, мама с четырнадцатилетней дочкой. Мама – яркая блондинка с высокой грудью, обтянутой свитером, в джинсах, подчеркивающих стройность бедер, – стояла посередине коридора и демонстрировала свое неувядание перед молодыми людьми – ровесниками ее дочери. Дочь на фоне своей мамы выглядела серой мышкой. Она явно была закомплексована и сидела на скамейке, опустив голову. Ее темные длинные волосы еще не знали краски и завивки. Девочка надеялась, что не внешность играет решающую роль в этой жизни. Она, эта девочка, сопротивлялась и не хотела следовать примеру своей матери, еще не понимая почему. Еще наивно дорожа чистотой и искренностью, а именно – сердцем.

Ксения всматривалась в поведение матери, которая легко разрушила бы хрупкие чаяния своего ребенка и легко увела бы парня у своей дочери ради того, чтобы почувствовать силу своих женских чар.

«Бедная девочка! – подумала Ксения. – Господи, найди для нее человека, который сможет сохранить эту душу и спасти ее мечту!»

Возле окна стояли папа и дочка-подросток. Эта парочка обсуждала конкурс красоты, прошедший на днях в Европе. Отец явно видел себя продвинутым и современным и с молодой дочерью был просто «не разлей вода». Затем они стали насмехаться над серостью и отсталостью жены, а для девочки – матери.

Ксения с печалью представила обстановку в доме этих людей: отец и дочь вместе рассматривают каталоги и журналы, обсуждая фигуры и прически, а мать на этом фоне, конечно, выглядит ворчливой, когда пытается объяснить дочери, что в этой жизни действительно стоящее, а что – сор, ко всему этому пытаюсь занять в сердце и жизни своего мужа законное положение жены. Этот статус у нее отняла собственная дочь.

«Бедная женщина! – подумала Ксения. – Господи, помоги ей!»

Еще одна пара – стройная мама и толстая дочка. Страшно не это, а то, что мать стыдилась своей дочери, а дочь пыталась зарыться в свою мать, обнимая ее, чтобы спрятаться от взглядов сверстников.

Десять лет прошло, а словно два века пролетело. Как изменился мир! Как страшно изменился мир. Изуродованные жизни и души, разбитые сердца и молчаливый вопль из этих самых разбитых сердец. Война без войны. Великая Отечественная война не принесла столько разрухи, сколько принесло новое веяние «свободы» и раскрепощенности во всех темах на телевидении, в прессе, в кино и литературе. Ксения выросла на историях, в которых радовались возвращению с войны. Не важно было, косой, хромой или изуродованный – лишь бы живой. Сегодня пропаганда красоты сделала так, что если у человека не доставало хоть одного зуба, этого человека требовалось менять на молодого или молодую, на красивого или красивую. Просто неприлично прийти в круг

друзей с «неполноценным» партнером или партнершей.

Ксения дождалась Никиткиной очереди. Врач выдала справку.

К машине Ксения шла молча.

– Ты, мам, чего это притихла? – спросил осторожно Никита.

– Страшно, – ответила Ксения.

– От чего?

– От того, куда мир катится.

– Да, согласен, – сказал Никита, – а делать что?

– Наверное, спастись каждому самому, по отдельности. За собой наблюдать, чтоб не увязнуть. Я думаю, что самая нелепая ошибка – это браться кого-то спасать. «Спасай душу свою», то есть, занимайся собой, и все, кто окружает тебя, сами увидят, что ты следуешь правильным курсом, и за тобой вырулят. Так и спасутся. А время сейчас непростое. Видишь, раньше куклы какие были? Пупсы! Девочки в мам играли. А сейчас? Барби! Чему девочки учатся, играя в них? Наряжаться, фигуру беречь, влюбляться по несколько раз.

Ксения завезла Никиту домой за портфелем, дала ему триста рублей, которые нужно было сдать на охрану, а сама поехала на работу.

Работала она поваром в магазине. Готовила обеды работающим там продавцам. Работа занимала всего три часа в день, и деньги, которые ей платили, были не большими, но не лишними. «Лучше, чем совсем ничего, – говорила Ксе-

ния, — а на весь день я не могу. Сережка еще маленький».

Добросовестно отработав свое рабочее время, Ксения отправилась не куда-нибудь, а на приятнейшую встречу с подругами по своей прежней работе. Планировалось обсудить предстоящую поездку в Крым.

Ксения ехала в своей машине и улыбалась, предвкушая это мероприятие. А состоялось оно в самый разгар подготовки Петербурга к знаменательному политическому событию мира — встрече правительств восьми стран.

Под яркой вывеской торгового комплекса «Норд» Вероника, Люся и Саша уже ждали Ксению на ступеньках мраморной лестницы. Не хватало в компании Леночки, но у нее отпуск был намечен на другое время, и она не попадала в Крым вместе со всеми. Леночка даже не знала, что все остальные из дружной компании едут в Крым.

— Море! Увезите меня на море... — захныкала Люся, увидев Ксению.

— Не плачь, Люсенька, — успокоила ее Вероника, — прямо сейчас и поедем.

— Нет, — захныкала Люся, — накормите сначала меня мороженым! Ужасно мороженого хочется.

Девушки поднялись на последний этаж в сеть кафе и заняли столик у окна, после чего разбрелись по огромному залу в разные стороны в поисках вкусной еды.

Первой вернулась Ксения с пирожным и чашечкой кофе. К ней скоро подошла Люся тоже с пирожным и кофе. Она поставила все на стол и сказала:

– Не нашла мороженого.

С другого конца зала подошли Вероника и Саша. Они принесли в высоких красивых вазочках мороженое. Люся молча и быстро ушла в ту сторону, откуда принесли мороженое Вероника и Саша.

– Куда это она? – спросила Вероника, усаживаясь за столик.

– Не знаю, – пожала плечами Ксения.

Когда мороженое Вероникой и Сашей было съедено, к столику подошла счастливая Люся с большой красивой вазочкой.

Вероника отодвинула от себя свою опустевшую вазочку и, заглянув в вазочку, которую поставила на стол Люся, спро-

сила:

– А ты почему одинаковое взяла?

– Разное, – честно ответила Люся, – здесь шоколадное и смородиновое.

– Да? – спросила Вероника и пододвинула Люсину вазочку к себе.

– Вкусное, – после нескольких ложечек сказала она.

Люся пододвинула к себе свое пирожное и принялась его смаковать, запивая кофе.

Через несколько минут Вероника отодвинула от себя опустевшую Люсину вазочку и спросила:

– Ну что? Готовы слушать?

Все насторожились, а Вероника достала из своей сумочки чистый лист бумаги и, положив его на стол, нарисовала карту Черноморского побережья с цепочкой городов, начиная с Севастополя.

– Вот здесь Алупка. Сюда мы и едем, – закончила она через некоторое время.

– Алупка? – переспросила Ксения. – А у меня в Алуште родной дядя живет.

Вероника нарисовала на карте точку, где расположен город Алушта. Ксения удивилась:

– Интересно, а дядя мой говорил, что его дом на самом берегу моря, а Алушта, получается, вообще от моря в стороне?

Вероника невозмутимо подрисовала берег моря, подтя-

нув его к обозначенному на карте точкой городу Алуште и сказала:

– Здесь море идет вот так...

– А, понятно, – удовлетворилась Ксения.

– Кафе закрывается! – раздался громовой голос омовца, отшлифовывающего предстоящее дежурство в кафе накануне политического события – встречи правительств восьми стран.

Девушки повернули головы в сторону прозвучавшего голоса и встретились взглядами с проговорившим «кафе закрывается» омовцем. Очень исполнительным, почувствовавшим себя конкретно при деле и перепутавшим поддержание порядка с военным положением в стране.

Девушки пожали плечами, поднялись из-за стола и направились к выходу, по дороге успев проговорить несколько ярких фраз в адрес омовца и тем самым напятав свое самолюбие.

Ксения, Александра, Вероника и Людмила вышли из кафе, спустились по лестнице на улицу и, дойдя до парковки, расположились в машине у Ксении, чтобы продолжить разговор. Вероника вырисовала на очередном листе бумаги, изъятom из сумочки, план поездки, дополнив его живописными пейзажами. Когда в ход пошел следующий лист, Люся спросила:

– Ты сколько там бумаги из офиса стащила?

– Много, – ответила спокойно Вероника и продолжила:

– Вернемся к листу 2. Приезжаем мы сюда. Отсюда будем ездить сюда и сюда...

– Я уже в Крыму... – загадочно прошептала Люся.

– Я тоже, – подхватила Ксюша.

– У поезда встречаемся в 20:00! – закончила Вероника.

Саша рассмеялась:

– Приходят Люся с Ксюшей такие загорелые, отдохнувшие уже. В общем, намечтавшиеся!

– Пора расходиться, – серьезно сказала Вероника.

Выходя из машины, каждая взяла по экземпляру нарисованного Вероникой плана.

Уже открыв дверцу машины, Люся сказала:

– Мне очень стыдно, но придется Леночке не говорить про эту поездку. Она не понимает, что на работе нельзя проговориться. Там есть люди очень не расположенные к моей персоне, и я не хочу, чтобы они испортили своими завистливыми взглядами мой отъезд на море.

– Леночка думает, что если она по-доброму, то и все без злого умысла, – сказала Ксения.

– А как вернемся, так повинимся перед ней, – сказала Вероника.

– Леночка простит, – сказала Саша.

– А если не простит? – спросила Ксения.

– Чего это? – спросила Люся.

– Ой, как стыдно-то будет Леночке врать... – выдохнула Ксения, закрывая двери машины.

Ксения вернулась домой.

Дома ее встретил Никита. Выглядел он подавленным и растерянным.

Ксения спросила:

– Что-то случилось у тебя, сынуль?

– Да, – ответил Никита.

В кухню из комнаты пришли Антон и Сережа и приготовились слушать. Никита вздохнул и начал:

– Иду я сегодня в школу, ну ты, мам, знаешь, ко второму уроку. Подошли ко мне вплотную три парня, приставили нож и сказали: «Отдавай телефон».

Я сказал: «У меня нет телефона». Они мне: «А мы поищем». И стали меня обыскивать. Нашли те триста рублей, которые ты мне дала, и убежали.

Ксения несколько секунд молчала, потом сказала:

– Какой ужас! Ведь это чьи-то дети! Как страшно, когда твой ребенок способен пойти на кого-то с ножом! Никит, пусть бы все забрали, отпусти их из сердца с благодарностью Богу за то, что Он тебя сохранил от такого зла, за то, что ты не способен на такие поступки.

Никита посмотрел на маму посветлевшим взглядом и сказал:

– Об этом я и не подумал.

Он успокоился, ушел в комнату, надел наушники и лег на тахту. К нему подсел Сережа и стал просить:

– Никит, дай послушать, какая там музыка, ну дай науш-

ники послушать...

Никита сказал:

– Серег, там нет ничего особенного. Сначала барабаны, а потом: «птумс, птумс, птумс...»

Раздался телефонный звонок, и трубку снял Сережа:

– Алло!

Через несколько секунд Сережа обратился к Никите:

– Никит, Данил спрашивает, сможешь ли ты завтра перекинуть новую игру на его телефон? У него будет время захватить.

Никита снял наушники и, сдвинув задумчиво брови, спросил:

– А посмотри, какое над нами завтра созвездие, Старой свиньи? Мне нужно созвездие Волосатого бабуина. Скажи Данилу, что завтра не смогу.

Ксения с трудом сдерживала смех, а Сережа, поддерживая Никиткин розыгрыш, спокойно ответил в трубку:

– Нет, Данил, Никита не сможет завтра. Не то созвездие.

Ксения спросила:

– Ребята, может кто-нибудь со мной чай попить?

Никита поднялся с тахты и направился в кухню. Сережа поставил чайник и включил мультфильм «Немо».

Только послышалась вступительная музыка, как открылась входная дверь и в квартиру с шумом вбежали Андрей со старшим сыном Мишей и его женой Наташей, Максим с женой Катей и с ними малыши-внучата: Лерочка, Димочка

и Артемка.

Ксения выбежала в коридор, чтобы всех встретить:

– Ты, Андрей, где столько гороха набрал? – смеялась она, обцеловывая малышей.

– Да вот, искать нужно лучше, и найдешь. Ну-ка, нам еды и питья – быстро! Мы все с работы и устали.

– Капилю, атань, бубуська, кази иму... – слышался смех Лерочки, которая не могла отвязаться от «поцелуев» счастливой собаки.

– Каспер! – строго скомандовала Ксения, – ну-ка, отстань от ребенка!

Каспер поджал хвост и лег на пол возле Лерочкиных ботинок, которые она аккуратно поставила у двери.

Захиопала дверца холодильника, зашумели стулья, на которые вскарабкивались Лерочка и Дима.

Артемка не слезал с Максимкиных рук.

Максим спросил у Артемки:

– Может, ты к мамочке на ручки хочешь, сынок? А то твоему папочке достанется только посуду за всеми вымыть.

Андрей предложил:

– Давай, я Артема на Каспере покатаю, а Катя пускай и сама тоже к столу проталкивается. У нас вкуснятины – полный холодильник. Покупаем по привычке на многодетную семью, а народу-то в доме теперь немного. К этому привыкнуть не можем никак.

– А у нас событие! – объявил Миша. – Мы машину сти-

ральную купили новую и уже установили, теперь вашу машину стиркой загружать не будем.

Звонок в квартиру прервал Мишу на полуслове. Это приехали Данил и Вика и добавили шума.

– А по какому поводу сбор? – спросил Данил, – я думал, что мы с Викой наедине с родителями пообщаемся... Никит, что за созвездие тебе нужно, чтобы мне игру скачать?

– Понимаешь, Данил, – ответил Никита, – по телефону тебе отказывать легче, чем когда ты вот так смотришь мне в глаза. Я могу перекачать тебе игру, это правда, но мне неохота, кепка упала.

– Что? – не понял Данил.

– Кепка упала, – повторил спокойно Никита, кивнув в сторону тумбочки, на которую Данил, входя в дом, положил свою кепку. – А собрались все без повода, без предупреждения, как всегда, по вдохновению.

Данил поднял с пола кепку и положил перед Никитой свой телефон, в который просил перекачать игру.

– А что такое секретное вы хотели обсудить? – спросил Максим у Данила.

– Да вот, событие у нас с Викулей. Мы готовимся стать серьезными людьми, – сказал Данил и добавил, обращаясь к Никите: – Неохота, значит?

– Ну, не томи, – вступил Миша, – Вика, скажи ты, в чем дело, а то от Данила не дожидаться.

– А мы, кажется, тоже малыша ждем, – улыбнулась Вика.

– О-о-о! Вот это событие так событие! Не то что там ваши стиральные машины, – обрадовался Андрей, придерживая Артемку, который сидел верхом на Каспере и счастливо улыбался, – хотя, конечно, покупки – это тоже важно, не обижайтесь.

– И сколько вам уже? – спросила Наташа.

– Шесть сантиметров, на УЗИ так сказали, – ответила Вика.

– Крупненький какой он у вас, – рассмеялся Никита, – винограда хочешь?

– Я-то, может, и хочу, а мой крупненький ничего не хочет – все, что съем, обратно выталкивает, так что я из кухни лучше уйду, не обижайтесь.

Миша, попробовав все, что было на столе, предложил всем перебазироваться в комнату за Викой, с чем все согласились.

Лерочка тем временем раздевала всех кукол, какие нашлись в доме, и аккуратно рассаживала их по всей длине спинки дивана. Каждая кукла была кем-то. Лерочка бубнила себе под нос:

– Это мама, это папа, это бабушка, это дедуська, это Димитька...

Дима вытряхнул из ящика игрушки и разбросал их по комнате, Артемка ходил по коридору в обнимку с Каспером, который устал его катать.

Никита принялся перекачивать Данилу на телефон новую

игру. Максим обнял Ксению и спросил:

– Что, мамуль, новенького?

Ксения ответила:

– В Крым собираюсь с девочками и Сережу с собой беру.

– И что ты будешь делать там, в Крыму?

– Скажу, что я там не буду делать: я не буду мыть посуду, стирать, гладить, готовить. Я буду бездельничать!

Миша развалился на диване, при этом галантно откинул полы пиджака, чтобы они не пузырились в области живота, и спросил корректно у всех присутствующих:

– Я могу задать маме серьезный вопрос, который мне важно решить, пока она не уехала в Крым бездельничать?

– Конечно, – ответил Данил, – мы не будем мешать.

– Я просматривал устав коммунистов, и оказалось, что в нем все соответствует Евангелию. Просто замечательные люди составили устав этот, а сердце к ним не лежит. Почему?

Ксения ответила:

– Насколько я могу помнить, содержание всех школьных рассказов и мультиков моего детства было примерно одинаковое: «Жил-был мальчик Петя, и был он двоечником, забиякой и прогульщиком. Однажды мальчик Петя взял себя в руки, проявил силу воли и (о чудо!) стал хорошим мальчиком». Улавливаешь?

– Нет, – честно ответил Миша.

– Победил грех! Во всей идеологии коммунистов тема одна – Бог не нужен, чтобы стать хорошим. Светлое счастливое

царство можно построить и без Бога. А самое страшное издевательство знаешь в чем было? Бог Отец отдал Своего Сына на смерть в искупление грехов, когда можно просто проявить силу воли, взять себя в руки и стать честным, добрым, послушным и жертвенным. И разве Бог есть любовь после всего этого?

– Ой, – послышался голос расстроенной Лерочки, которая сползла с дивана и наступила нечаянно на одну из кукол, упавшую на пол – я на дедуську наступила...

– Страшное дело, – сказал Максим и добавил, улыбаясь: – Нет, Лерочка, это я не тебе, это я с бабушкой разговариваю.

– Не то слово, – продолжила Ксения, придерживая Лерочку, которая пыталась вскарабкаться на увиливающего Каспера. – Во всех периодах истории человечества Бог дал возможность людям и силам небесным пробиваться к счастью любыми путями, чтобы убедиться все могли, что другого пути у Бога не было, как только Голгофа. Мало того, я думаю, что для Самого Бога Голгофа остается еще незакрытой раной.

– Очень многие люди считают, что сами по себе они хорошие и им Бог не нужен, – сказал Максим, – между прочим, в мультике про Симпсонов эта же идея пропагандируется. Они, эти Симпсоны, такие прикольные, веселые, и семья у них такая дружная.

Ксения кивнула головой:

– Любое доброе побуждение в человеке – от Бога, и все благородное в человеке – тоже, знает человек это или нет. При сотворении Бог отдал некоторую Свою часть человеку, и только с человеком Он может строить и творить, но когда люди считают, что могут творить без Бога, то это приводит к катастрофам, как бы все красиво ни обставлялось. Я, когда была маленькая, никак не могла смириться с тем, что ничего не могу сама по себе. Ну как это? А сейчас ничего не хочу уметь сама по себе.

– А почему человеку хочется творить без Бога? – спросил Сережа.

– Вот в этом-то и корень греха. Это та ложка дегтя от змея, которая попала в человека в Эдемском саду от дерева познания добра и зла. Причем это то, что назвать и объяснить невозможно. Это навязано человеку от лукавого, потому что именно он, лукавый, хотел занять место Бога. Каждому человеку необходимо «вернуться в послушание Отцу». Это значит, что быть послушным Богу – это сладкое, милое и желанное состояние нормального человека. Быть непослушным Богу – это ненормально для человека.

– Да, столько тренингов изобретено, чтобы человек при- тушил в себе склонность к преступлениям, а как все просто на самом деле.

Ксения продолжила:

– А вы обращали внимание, что, бывает, в порядочных семьях вырастают непорядочные дети? Есть в Евангелии слова

такие, что когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по бездонным местам, ища покоя и т. д., потом возвращается, находит дом незанятым, берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там и бывает для человека последнее хуже первого.

– Ну да, – сказал Миша, – помним такое. И что?

Ксения сказала:

– А к какому тексту привязан этот комментарий человеческого поведения, не помните: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»? У царицы Савской было все, и она была умной женщиной, но в ее бытность жил Соломон, и эта женщина использовала возможность послушать Соломона. В нашу бытность есть Иисус Христос – больше Соломона. Иисус Христос принес людям избавление от греха, от порока, а люди не идут к Нему. Они избирают методики воспитания, философии, психологию, чтобы стать хорошими и сделать хорошими своих детей. Что получается? Допустим, победил, изжил из себя человек такой порок, как жадность, и сияет своим милым характером. Постепенно приходит высокомерие, потом критика в адрес других, потом мысль: «А с чего это я буду милым и щедрым? Ради кого?» Так, под прикрытием, возвращается жадность, а с ней – лукавство, чтобы эту жадность скрыть. Дальше – раздражение на себя, что не удержал в себе порядочность. А что значит «место занято»?

Это когда, видя ваши добрые дела, люди прославляют Отца вашего Небесного. Сияет победа Христа!

– Я хочу, чтобы Богу было хорошо, – сказал Сережа.

– А ему хорошо, когда людям хорошо. А для того, чтобы нам, людям, было хорошо, нужно верить в то, что Бог есть и ищущим Его воздает.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Сережа.

– Просто знаю.

Старший сын Ксении и Андрея Михаил, первенец, родился холодной февральской ночью под завывание ветра, проникающего в родовую палату через растрескавшиеся рамы в окнах старого роддома. Ксения с ужасом смотрела на новорожденного мальчика, которого ей показали, как только перерезали пуповину. Ее сын, мокрый и беспомощный, кричал на все родовое отделение. Что она, как мать, могла дать этому родившемуся человеку, чтобы он мог почувствовать себя счастливым? Накормить? Отмыть? Купить теплую одежду? Из чего на самом деле складывается ощущение счастья?

Еще будучи беременной, Ксения, просиживая в очередях поликлиник, всматривалась в лица стариков, которые приходили за бесплатными лекарствами, как бы выпрашивая у докторов еще один год, месяц, а может быть, и день жизни. Ксения жалела этих людей и про себя умоляла Бога, чтобы жизни ее детей были в Его, Божьей руке, чтобы дети ее не боялись смерти потому, как только тогда можно полноценно строить эту земную жизнь.

После выписки из роддома Ксения подстроила свой режим под режим малыша, внимательно прислушиваясь к тому, когда он хотел кушать и спать. Малыш все равно плакал, и вопрос его внутреннего комфорта беспокоил Ксению.

«Больше всего хранимого храни сердце твое; потому что

из него источники жизни», – вчитывалась Ксения в слова Соломона.

Да, именно так. Все из сердца. Можно иметь много и быть недовольным, а можно иметь мало, и всего будет хватать. Можно среди людей быть одиноким. Все от состояния сердца. В сердце своего сына и старалась вникать Ксения, боясь нарушить его мир.

Ксения поняла ясно, что со здоровым сердцем ее сын всегда будет окружен хорошими людьми и всегда будет востребован в этой жизни, и Сам Бог не побоится дать ему много, зная, что это многое не совертит.

«Прежде всего ищите Царствия Небесного, а остальное приложится вам...»

Из здоровых сердец строится здоровое общество.

Эти мысли занимали Ксению, и она боялась одного, задавая вопросы Богу о том, что важно и что второстепенно, Ксения боялась своей нерасторопности, заторможенности, она боялась за суетой в стирках, кормежках, прогулках не успеть увидеть и отреагировать в нужный момент на ту или иную потребность души своего маленького сына.

Пришло время сдать на работу больничный лист после декрета, и она попросила свою маму посидеть с Мишей, а сама отправилась на трамвае в институт, в котором работала после окончания техникума.

В трамвай вошла женщина с мальчиком лет двенадцати. Мальчик – наголо бритый, уставший и бледный, в фуфайке.

Он ехал явно из воспитательного заведения. По-видимому, маме разрешили на выходные взять сына домой.

В обычной жизни, которая Ксению окружала, мать такого ребенка постаралась бы от стыда незаметно прошмыгнуть дворами, но эта женщина светилась счастьем и гордостью, с восхищением глядя на мальчика. Она ехала со своим сыном! Это ее сын! Смотрите все!

Ксения смотрела на женщину. Именно от нее получила она незабываемый урок, какой нужно быть матерью. Ей никогда не должно быть стыдно за своего ребенка. От матери требуется любить, восхищаться, гордиться сыном и радоваться тому, что он есть.

Этот урок усвоила Ксения хорошо и не забыла о нем, когда дети пошли в садик, и воспитательница, которая не любила Ксению только за то, что дети Ксении растут в многодетной семье, заявила на всю площадку, что ее сын Максим ругается матом.

Ксения была ошарашена таким заявлением и спросила у Максима. Максим не смог найти слов для объяснения, потому как был совершенно подавлен жалобой воспитательницы; и Ксения на следующее утро собрала всех детей из группы, в которую ходил Максим, в раздевалке и спросила у них, у всех детей:

– Что вчера произошло?

Все дети рассказали одно и то же, а именно то, что Максим бежал и одна девочка подставила ему подножку. Максим

упал и сильно ударился, а на девочку сказал:

– Нахалка!

Ксения взглянула очень серьезно на воспитательницу, присутствующую при этом опросе и спокойно ушла домой.

Ксения не забыла урок, данный ей той мамой в трамвае, когда ее парни вошли в подростковый возраст и старались утвердить себя как мужчины.

Помнила и когда ее вызвал к себе директор школы.

– Вашего сына могут оставить на второй год, – сообщил он, просверлив Ксению взглядом, – у него по химии одни двойки, по физике тоже двойки и с математикой проблемы.

Ксения сказала:

– Так поставьте ему тройку. Он ни одного урока не прогулял. Предметы эти для него сложные, все равно не сможет исправить. Мой сын не собирается в академию идти. Я не могу понять, почему парень не может стать токарем или водителем, если не знает расположения звезд на небе и таблицу Менделеева?

Директор беспокойно заморгал глазами и растерянно сказал:

– У нас программа.

Ксения спросила:

– А кто придумал эту программу? Бывшие усидчивые девочки? Вы сам-то понимаете, что вся эта программа и гонка за ней разрушает все мужское в наших мальчиках. Ведь его искусственно вгоняют в состояние страха на уроках. Почему

мальчик у доски должен сгорать от стыда перед насмешливыми девочками, которые на два года опережают мальчиков в развитии? Парень, который сможет распилить доску, сколотить скворечник, отнести тяжелую сумку, во что превращается, если не может найти какую-нибудь страну на карте? Откуда у нас появятся ответственные мужья и отцы? Где и как научится человек себя уважать? Особенно мужчина.

Директор сказал:

– На самом деле вы правы, и нигде в мире нет такой школы, как у нас.

В этот момент открылась дверь, и в кабинет вошла завуч школы с какими-то папками. Она, услышав эти слова, сказала строго:

– Правда, правда, нам нужно сохранить нашу, советскую школу! Нигде в мире нет такого образования!

Директор растерялся и сказал Ксении:

– В общем, вам придется строго поговорить с сыном и принять жесткие меры. Кирилл его зовут, да?

Ксения ответила:

– Антон. И знаете что? Вас, уважаемый Владимир Савельевич, я сегодня вижу, а через год даже с трудом вспомню ваше имя и отчество, а мой сын – это мое будущее. Поэтому я лучше перессорюсь со всеми школами, но отношения с сыном сохраняю.

Завуч вознегодовала:

– Вам стыдно должно быть! Мама! Посмотрите в журнал!

Ксения ответила:

– Мне не стыдно за своего сына. Мало того, я горжусь своим Антоном и каждой матери пожелаю бы такого сына, как он! Кстати, парадокс какой: при такой уникальной школе, которой вы гордитесь, такие провалы во всех областях! В производстве, в быту, в социальной жизни! Все мы живем за счет Европы и Америки, где такое отсталое образование, по-вашему. Может, стоит задуматься? Может, не совсем тем мы с вами заняты? В общем, чем в школе мой Антон будет про-сигивать в двоечниках, пусть лучше идет в училище про-фессию приобретать.

Завуч спросила:

– Ему четырнадцать лет еще! Кем он станет?

Ксения спокойно ответила:

– Клоуном в цирке. И будет зарабатывать деньги, и ува-жать себя. Это главное.

Из школы Ксения и Андрей Антона забрали, и на следую-щий год он пошел учиться в ПТУ, в которое брали с четыр-надцати лет.

– Для дураков, – посмеялась классная руководительница.

В училище этом Антон учился на токаря и оказался на-столько талантливым в работе с металлом, что директор завода, на котором прошла практика, поручал Антону са-мые ответственные задания, а в училище отправил бумагу с просьбой присвоить Антону повышенный разряд.

Когда Антон поднимался по лестнице к кабинету дирек-

тора училища, чтобы получить документ, подтверждающий присвоение четвертого разряда, в холле толпились учащиеся из других групп. Кто-то из толпы громко крикнул, глядя на Антона:

– А Антон ходит в церковь, Богу молиться!

В холле грянул дружный хохот, а Антон остановился на ступеньке, свесил голову через перила лестницы и громко сказал:

– Единственное, чем могу похвастаться, – это тем, что хожу в церковь Богу молиться!

В холле наступила тишина, а Антон продолжил свой путь.

Антон окончил училище с отличием и в свои семнадцать лет имел четвертый разряд токаря. Всего разрядов этих шесть.

Антон возмужал, почувствовав себя уважаемым человеком. Он поступил в вечернюю школу и получил среднее образование, которое было необходимо для того, чтобы поступить в техникум.

В техникум Антон поступил в тот же год, в который поступали в учебные заведения и его бывшие одноклассники. Основными предметами в техникуме оказались химия и физика. По этим предметам Антон стал получать одни четверки и пятерки, а на контрольных у него списывала вся группа. Антон не просто решал задачи, он их чувствовал и понимал, что должно получиться в результате.

– Мой сын не может быть двоечником! – восторгался Ан-

дрей. – Я физику и математику решал, как орешки щелкал!

* * *

Ксения приехала на работу в маленький магазинчик, удобно для себя разложила на столе продукты и принялась спешно кромсать и резать, закладывая в кастрюлю. В кухню вошел парень из отдела электрики и весело спросил:

– Когда кушать?

– За сметанкой не хочешь сходить, хороший мальчик? – спросила Ксения.

– Не-е-е, я уже сегодня в магазин бегал, больше не хочу.

В кухню вошла Лена из отдела сантехники:

– За сметанкой не хочешь сходить? Ну ты, Кирилл, лодырь!

Ксения подхватила:

– Я и сказала ему только что, что он плохой.

– То хороший, то плохой – не поймешь, – улыбнулся Кирилл.

– Так у женщин все от настроения. Тебе тридцать, и ты еще об этом не знаешь? – спросила Ксения.

– Ну и каким я буду завтра?

– Так смотря какое будет настроение...

– А у меня всегда хорошее настроение.

– А при чем тут твое настроение? Смотри какое будет у меня настроение!

Кирилл тяжело вздохнул, протянул руку на полку за куском батона и при этом коснулся краем рубашки открытой банки майонеза.

– Ну вот, – расстроился он и принялся оттирать пятно ладонью.

Ксения сказала:

– Салфетку возьми, не втирай в рубашку. Жениться тебе, Кирилл, надо.

Кирилл взвыл, закатив глаза:

– Ну почему меня все хотят женить? Я сам должен этого захотеть.

– А ты когда-нибудь захочешь? Тут только руки за спину – и в загс!

Кирилл сказал печально:

– Бедный Адам, теперь я понимаю его. У него ж выбора не было, как только взять Еву.

Ксения улыбнулась:

– Глупенький ты, Кирюшенька, Бог только привел Еву к Адаму, а женой своей Адам Еву сам назвал. Знаешь почему? Потому что Бог так угодил Адаму этой самой Евой, что Адам сказал: «Вау!» Другого выбора Адам для себя и не хотел.

Тут у Ксении зазвонил телефон. Это был Никита:

– Мама, не поверишь! Шел я сегодня утром в школу, как всегда, опаздывал. Смотрю, на дороге тысячерублевка валяется, я думал, ксерокопия, даже поднимать не хотел. Потом вернулся почему-то и взял. В школу принес, а она настоящей

оказалась! Так что я сдал те триста рублей.

– Ну, утешил тебя Бог? – рассмеялась Ксения.

– Да, даже еще в кармане осталось. А ты когда дома будешь? – спросил Никита.

– В четыре, – ответила Ксения.

– Не задерживайся, у нас тут парень приехал, так на «бемиксе» катается! Ты должна это увидеть! Подъезжай к мосту.

– Хорошо, – ответила Ксения и отключила телефон.

За шутками и разговорами рабочие часы прошли быстро. Накормив всех и вымыв посуду, Ксения со всеми распрощалась и вышла на улицу.

На улице Ксения отстегнула заклепку и потрянула головой. Волосы рассыпались по плечам, и теплый ветер растрепал их ласково и по-свойски, как будто имел на это право.

Ксения улыбнулась. Когда-то в детстве она поднималась на высокий холм и, раскинув руки, буквально ложилась на поток ветра, который по утрам в той местности, куда ездила Ксения на лето, был настолько сильным, что невозможно было идти против него.

Ксюша не шла против. Она удобно располагалась всем телом в этой стихии, и стихия ласково убаюкивала Ксению на руках. По-свойски, словно имела на это право.

Интересно, что порывы ветра оставались длительными настолько, насколько этого хотела сама Ксюша. Эта игра приводила девочку в восторг, и домой она всегда возвращалась

в прекрасном расположении духа.

Ксения села в машину, включила зажигание и поехала к мосту, под которым катались скейтбордисты и бемиксеры.

По полосе препятствий и по ступенькам лихо прыгал и вертелся на потертом «бемиксе» высокий лохматый парень. Выдавал он действительно сложные па.

Ксения внимательно и долго смотрела. К ней подъехал Никита на своем новеньком «бемиксе» и восхищенно спросил:

– Ну как?

Ксения нежно взглянула на сына и ответила:

– Родной, не переживай, тебе не нужно будет так прыгать. Тебя и без того любят.

Никита взглянул на маму и серьезно сказал:

– Да, это правда.

Потом он вскочил на свой «бемикс» и поехал падать и спотыкаться о полосу препятствий.

Ксения поспешила в сторону дома. Ей нужно было отвезти Сережу на занятие хора.

Ксения остановилась возле перекрестка, вдруг подбежал мужчина лет сорока пяти, раскрыл дверцу машины, сел на переднее сиденье и быстро заговорил:

– Ты должна мне помочь! Ты женщина, ты знаешь, что такое любовь. Понимаешь, она замуж вышла. Она не любит этого мальчишку. Мы с тобой заберем ее со свадьбы!

Ксения ответила:

– Сейчас я заеду за своим сыном и тебя подкину.

– Никакого заедем! Ты поедешь со мной прямо сейчас!

Ксения вырулила машину к дому и позвонила Сереже, чтобы он выходил.

Сережа вскоре вышел из подъезда, сел в машину, сказал «здрасьте» дяде и надел наушники плеера.

Всю дорогу до места, где проходили занятия хора, Ксения выслушивала историю незнакомца о его страстной любви.

– Я Валера. Я женат. Жена у меня замечательная! Но скучно мне стало, и я «снял» себе девочку, да так полюбил ее, как никого никогда не любил. А она замуж вышла. Ты женщина. Ты должна меня понять! Об этом книгу написать можно, о любви моей.

– А дети есть у тебя? – спросила Ксения.

– Дочка, пятнадцать лет.

– Книгу о ее разбитых надеждах написать можно будет после предательства отца.

Валера растерялся и сказал довольно зло:

– Зря я тебе это рассказал.

– Мне – зря, – ответила Ксения, – я сама жена, и дети у меня есть.

– Это любовь!

– Есть кое-что важнее. Ответственность называется. Слышал такое слово?

– Я люблю эту девчонку!

– А жену?

– И жену люблю.

– А когда помирать будешь, перед кем больше будет стыдно? Перед женой или перед этой девчонкой?

Интересно, что пока они ехали, по сотовому не один раз звонила жена этого влюбленного. Насколько нужно чувствовать ситуацию, чтобы звонить именно в такой острый момент! Валера отвечал, что очень занят на работе.

С горящими глазами он сказал Ксении:

– Ты должна мне помочь! Я в подводной лодке горел, много чего пережил в жизни, любил много раз, но такого никогда не испытывал. Мы увезем ее со свадьбы.

– Колбасит тебя, – сказала Ксения, – как, впрочем, и весь мир сейчас колбасит.

Валера набрал номер телефона невесты, которую соби-
рался забрать со свадьбы и о чем-то с ней говорил. Ксения не вслушивалась. Потом она услышала:

– Если бы ты знала, с какой я женщиной сейчас еду... Если бы не ты, я бы с ней закрутил...

Ксения резко спросила:

– Точный адрес знаешь?

– Да, конечно, – заигрывающе сказал Валера, – вон тот дом.

Ксения припарковалась и на балконе увидела невесту, которая принялась махать руками, увидев вышедшего из машины Валеру. Жестами она просила его уехать.

– Жди меня здесь! – скомандовал Валера Ксении.

Ксения медленно отъехала от поребрика. Она везла Сережу на хор.

После занятий Ксения и Сережа ехали обратно домой. В машине играла спокойная музыка. Сережа спал. Когда подъехали к дому, Ксения сказала тихо:

– Сережа, подъем! Иди домой, а я в гараж.

Сережа открыл глаза и потянулся:

– Я с тобой в гараж пойду.

– На улице холодно, и спать ты хочешь.

– Мам, я тебя не брошу. Как ты одна по темноте из гаража пойдешь?

Ксения ласково улыбнулась:

– Самые верные мужчины – это сыновья!

– Как съездили? – спросил дома Никита Ксению и Сережу.

– Как всегда, с приключениями, – ответила Ксения и рассказала историю с Валерой, после чего спросила у Никиты, которому девочки в школе не давали проходу:

– Показательный урок жизни?

Никита нахмурился и ответил:

– Даже очень.

Ксения зашла в большую комнату и увидела на комод карманные вещи Андрея: ключи от машины, фонарик, бумажник.

Ксения спросила у Никиты:

– А что, папа приезжал?

Никита ответил:

– Да. Приехал, накричал на нас с Антоном и уехал.

Ксения спросила:

– А почему он на вас кричал?

Никита невозмутимо ответил:

– Мама, можно объяснить, почему плачут маленькие дети? Можно объяснить, почему кричит папа?

Приехал Андрей часа через два и, переступив порог, с ходу направился к Никите с вопросом:

– Ну, что? Ты убрал то, что я тебя просил?

Никита посмотрел на маму и сказал:

– Ты же видишь... – и ответил папе: – Убрал, папа, убрал!

Андрей сказал:

– То-то же, а то вообще ничего в доме не делает. Смотри, Ксения, какой он бледный уже от компьютера!

Никита невозмутимо сказал:

– Папа, это самовнушение. Выброси из головы.

Андрей ушел в кухню, с трудом сдерживая смех. В кухне он поставил фильм про морских рыб и через несколько минут крикнул:

– Никита! Иди-ка сюда, посмотри, какая красота! Оторвись от компьютера.

Никита пришел к папе в кухню и сел рядом с ним перед телевизором. На экране стояла молодая дельфина ныряла в волну. Зрелище потрясающее: дельфины спокойно ждали, когда подойдет высокая волна, и, круто разворачиваясь, все

дружно ныряли в нее.

Никита все добросовестно досмотрел и сказал:

– Ведь балуются! А где-то в море их родители ворчат между собой: «И когда они от этой волны оторвутся? Лучше бы рыбку пошли ловить!»

Раздался телефонный звонок. Никита подошел к нему и взял трубку:

– Алло! Да, дома. Мама, это тебя.

Ксения взяла трубку, а Никита вернулся к папе смотреть с ним про морских рыб.

Звонила Таня, племянница Андрея:

– Тетя Ксения, можно у Вас проконсультироваться? Есть у Вас время?

– Да, Танюша, в чем дело?

– Мы с Димой вчера вышли в садик гулять, в песочницу с формочками, Дима из дома их принес. Только все формочки разложил, как подошла девочка и попросила у него эти формочки. Дима не дал, а бабушка этой девочки в грубой форме назвала Диму «жадиной».

Ксения ответила:

– Нечестно. Формочки Димины, и он вправе дать ими поиграть и вправе не дать. Нельзя на такие вещи обижаться.

– Дима расстроился очень, а я не знаю, как объяснить ему, что он ничего плохого не сделал, – сказала Таня.

– Не обязательно объяснять. Объясни на этом примере, что он не должен обижаться на Юлю, когда она не дает ему

свою игрушку. Каждый человек имеет право на собственность. Это не жадность.

– Хорошо, а еще вопрос. Когда мы ходим с детьми в «Ленту», Юля постоянно умудряется взять по-тихому шоколадку или конфетку и съесть. Это по малолетству? Как к этому относиться?

– Очень жестко! Юля достаточно большая, чтобы понимать, что в магазине то, за что не уплачено, – чужое. Она и сама понимает это, раз старается съесть по-тихому, а потом глупенькой прикидывается, что, мол, не знала, что нельзя. Некоторые умеют не украсть и в то же время взять чужое, а потом глазами хлопают: «Ой, а я думал, что это можно...»

– Ужас... – расстроено сказала Таня.

Ксения добавила:

– Ужас, когда мать не замечает поступки своего ребенка. До определенного возраста все можно скорректировать.

– Тетя Ксения, а что во мне самой должно быть, чтобы дети меня слушались? Чтобы всерьез воспринимали мои слова?

– Честность. Когда ты ведешь ребенка на укол и говоришь, что это не больно, то ребенок знает как воспринимает эти слова после укола? «Всем не больно, а я трус какой-то», или по-другому: «Для мамы ничего страшного в том, что мне больно». А когда он поймет, что ты его просто обманула, то и в остальном все будет им ставиться под сомнение. Все складывается из мелочей, и доверие тоже.

– Иногда быть честной не позволяет давление окружаю-

щих людей. Ну да ладно, а мне муж машину хочет покупать!

– Ух ты! Поздравляю!

– Так я ездить боюсь.

– Можешь не бояться, если с этим делом даже я справи-
лась, значит любой сможет, а тем более ты.

– Спасибо Вам, – весело рассмеялась Таня.

Тут Ксения вспомнила одну печальную историю:

– Никита, когда был маленьким, попал с ожогом в боль-
ницу и после этого страшно боялся врачей. Ему было четы-
ре года, когда мне пришлось устроить его на полдня в са-
дик, чтобы легче было с маленьким Сережей. Пришлось дол-
го объяснять, почему нужно сдать кровь и обещать, что это
один-единственный раз. Уговорил Никиту папа, твой дядя
Андрей. Он же с Никитой и сходил на этот анализ. На следу-
ющий день пришли мы в садик, и что ты думаешь?! В группе
только закончился карантин по желтухе, и всех детей вели
на сдачу крови на анализ. Никита вцепился мне в руку. Я
сказала медсестре, что мы сдали анализ вчера, но медсестра
заявила, что анализ наш не годится и нужно сдать сейчас со
всеми. Никита дрожащим голосом спросил у меня: «А если
заставят?» Я ответила: «Тогда мы вообще в садик не пойдем,
но кровь сдавать больше не станем». На меня начали все ру-
гаться: «Что вам, трудно сдать со всеми вместе?» Я попы-
талась объяснить, что обещала своему ребенку, что уколют
его один раз. На меня смотрели как на чокнутую. Медсестра
сказала: «Знаете что, звоните, если хотите, в СЭС!» Я ушла

с Никитой домой, из дома позвонила в СЭС и объяснила ситуацию. В СЭС обещали разобраться, а через два часа мне позвонила медсестра из детского сада и извинилась за то, что все напутала и нашего анализа действительно достаточно. А если бы я пошла у всех на поводу, то в глазах этих самых «всех» была бы хорошей мамой, но в отношениях с сыном появилась бы такая брешь, которую ничем не смогла бы залатать никогда.

Таня вздохнула тяжело и сказала:

– Спасибо, что Вам всегда можно позвонить.

– На здоровье. А знаешь, почему тебе Бог помогает? Потому, что ты не считаешь для себя унижительным спросить у взрослых о том, в чем сомневаешься. Используешь возможность. До свидания, родной человек.

Сереза сидел за письменным столом и что-то рисовал в своем альбоме, потом повернул к Ксении голову и сказал:

– Мам, мне так повезло, что ты моя мама!

Ксения рассмеялась. В комнату вошел Никита и спросил:

– А что значит «за каждое праздное слово человек даст отчет в день суда»?

– «Праздное слово» – это слово, требование, свидетельство, но не подтвержденное делом. Когда я требую от другого того, что сама не исполняю. Если я учу переходить дорогу по зеленому сигналу светофора, а сама перебегаю по красному, я говорю праздные слова. Страшно то, что личность ребенка разрушается, а душа травмируется, когда он слышит от родителей одно, а видит на деле совсем другое. Почему у некоторых проповедников непослушные дети? Потому что проповедники эти с кафедры говорят одно, а дома ведут себя по-другому и от детей требуют того, чего сами не выполняют. Боятся авторитет потерять, если дети ведут себя не так, как положено. Пусть ты выполняешь в жизни правила на троечку, но это твоя, честно заработанная, делом подтвержденная троечка. Дети пойдут дальше, имея эту опору. Иисус Христос «преломил хлеб и раздал ученикам». Сначала исполнил Сам, а потом научил других, понимаешь? Христос говорил «как власть имеющий». Почему? Потому что Бог был свидетелем того, что Он исполнял то, о чем говорил другим. Сам Бог будет давать вес твоим словам, когда они не праздные. Бог сделает твои слова авторитетными, если ты будешь сам поступать так, как учишь других.

Когда Ксения была маленькой, ее со старшей сестрой Аней мама отправляла на лето в маленький городок Торопец, к бабушкам.

Каждое лето начиналось с сутолоки в вагоне поезда, подъезжающего к платформе. Ксюша кричала сестре:

– Торопец! Уже приехали! Быстрее к выходу! Выйти не успеем!

– Мама сказала, чтобы мы сидели и ждали, когда за нами войдут в поезд, – отвечала Аня и продолжала всматриваться сквозь мутные стекла окна в толпу на перроне.

– Вот они! Видишь? – нервничала Ксюша. – Бери вещи!

Вскоре в вагоне раздавались беспокойные голоса двух бабушек:

– Анечка! Ксюшенька! Доченьки, где вы? Ах, вот вы где, миленькие!

Приезд девочек в Торопец из большого города Ленинграда был событием. В маленьком городе наблюдали за тем, какими культурными были ленинградцы: не ели с одной тарелки, чистили зубы, носили белые гольфики, а туфли – с дырками. Босоножки называются.

В это лето «ленинградские девки» приехали в шляпах-сомбреро, которые привезли из Сочи!

Каждое воскресенье бабушки Ани и Ксении ходили в

церковь молиться. На скамейках вдоль дорожки, ведущей к церкви, сидели пожилые женщины и осуждающе разглядывали каждого, кто шел мимо них. Когда в одно из воскресений вместе с бабушками в церковь отправились «ленинградские девки» в своих шляпах-сомбреро, это было шоком.

– И эти туда же, Богу молиться! – громко посмеялась одна из женщин на скамейке.

Ксения услышала эти слова и, приподняв голову, пошла бодрее. Она шла не куда-нибудь, а молиться Богу! Пусть видят все!

Тетя Катя прошептала уже на ступеньках:

– Вы, доченьки, не стыдитесь, у Бога все просите, чего хотите. Бог, Он особенно детские молитвы слышит, а тем более сирот. Вы-то без отца растете, сироты значит, хотя и жив отец ваш.

В церкви отпевали молодую женщину. В гробу рядом с ней лежал новорожденный ребенок. Женщина эта умерла при родах. Ксения с сожалением всматривалась в синее перекосенное лицо покойной и вздрогнула, когда в трогательной тишине послышался шепот мужа этой женщины:

– Какая она красивая!

Ксюша закрыла глаза и зашептала тихо-тихо:

«Господи, я так рада, что Ты есть у нас, людей, и что Ты такой хороший и ласковый. За то, что Ты однажды пришел к нам на землю, и я хочу, чтобы Тебе было хорошо с нами, людьми, и со мной. Научи меня жить так, чтобы я никогда

не стала Тебе в тягость. Научи меня понимать Тебя».

На обратном пути Ксенина и Анина бабушка Зина шептала девочкам, оглядываясь по сторонам, чтобы никто не услышал и не посмеялся:

– Запомните, доченьки, никому нет дела до того, сыты вы или голодны, есть крыша над вашей головой или нет. Только Бог будет по-настоящему обеспокоен тем, как вам живется. Все Ему рассказывайте, и доброе и худое. Никто как Бог любить не может.

Около дома их ждал дядя Ваня – младший брат бабушек Ксении и Ани.

– Я думал, вы раньше вернетесь, – сказал он.

– А ты чего приехал-то? – спросила бабушка Катя.

– Керосин вам привез.

– А-а, за это спасибо, это кстати.

Сначала скрипнула калитка, потом крыльцо под ногами всех, кто поднимался в дом, и наконец забренчал дверной замок.

– Ах ты! Кот! – грубо крикнула бабушка Зина. – Ты смотри, куда мордой своей залез!

Бабушка Зина поднесла к лицам всех вошедших в дом блюдо со сдвинутой в сторону крышкой от кастрюльки.

– Масло все сожрал, паразит такой!

Под ногами у всех в дырку под дверью юркнул на улицу черный кот.

– Все равно вернешься – получишь! – пригрозила рассер-

женно бабушка Зина вдогонку нахальному коту.

Интересно, что кличек ни у каких котов в этом доме никогда не было. Просто кот. «Кот, иди ешь!» или: «Кот, иди долой с дивана!»

Дядя Ваня весело посмотрел на Аню с Ксюшей и спросил.

– Ну, как дела?

– В церковь ходили, – ответила Аня.

Дядя Ваня сказал:

– Меня ваши бабушки тоже молиться научили. Я человек-то занятой, ничего и так не успеваю, а еще молиться теперь нужно. Уж так громоздко это для меня, так неудобно. А не молиться не могу, обязательно что-то плохое случается, если не помолюсь. А молиться тяжело. Легче дров нарубить, все что угодно могу, только б не молиться.

– Вот так Бог тебя и заставляет о Нем не забывать! – засмеялась бабушка Зина. – С кем-то Он кнутом, с кем-то – пряником, лишь бы душа не умерла.

Перед сном Ксения неожиданно вспомнила слова мужа покойной, там, в церкви, и сказала Богу:

– Господи, найди для меня человека, который всю жизнь смог бы любить меня одну.

Нужно сказать, что для девочки тринадцати лет это была довольно разумная мысль.

Ксения лежала в постели и, прикрыв веки, смотрела на лучи весеннего солнца, пробивающиеся через занавески окна. Она вспоминала Торопец. В комнату вбежал Сережа:

– Мама, мама, хватит спать, выходной сегодня!

Ксения взглянула на Сережу и прикрыла глаза, но сын затараторил:

– Не спать, не спать! Ты меня к дедушке должна отвезти. Мы с ним на рыбалку поедem.

Ксения поднялась и направилась к ванной. Проходя мимо Никиткиной комнаты, она увидела, что Никита топчется возле стола с компьютером. Никита спросил озадаченно сонным голосом:

– Мам, а где моя спецовка?

Ксения спросила:

– Какая спецовка?

– Шорты и футболка, в которых я играю в комп!

Ксения сказала:

– Я в стирку вчера положила.

– Ну и в чем мне сегодня работать?

– Если не в чем работать, может, с нами к дедушке съездишь?

– У меня выбора не остается.

– Тогда собирайся, – сказала Ксения и ушла в кухню.

Ксения заварила кофе, налила его в чашку, сделала бутерброд, открыла сахарницу и обнаружила, что она пуста.

Ксения открыла буфет и перекопала все его содержимое. Сахара не было нигде. Мысль о том, что придется идти в магазин, мягко выражаясь, не радовала, и Ксения снова открыла буфет. Передвинув все пакеты, она увидела у самой стенки старую кружку с отбитой ручкой и надписью на ней: «Никогда не сдавайся!»

– Так, – сказала Ксения, – думай.

Она принялась выдвигать все ящички и наткнулась на забытую всеми маленькую металлическую баночку из-под конфет.

Как-то Ксения с Андреем возили детей в Макдоналдс.

Ксения тогда пожалела выбросить оставшиеся пакетики с сахаром и сложила их в эту самую баночку. Ксения взвизгнула от радости и с удовольствием принялась пить послащенный найденным сахаром кофе.

Ксения, Никита и Сережа вышли из дома и направились

к гаражу.

Выкатив машину, пришлось потратить время на ее заправку.

На заправке Ксения открутила пробку бензобака, установила пистолет, отправила пятьсот рублей в автомат, который «сдачи не дает» и нажала кнопку выбора колонки. Когда раздался свист с колонки, Ксения поняла, что нажала не на ту кнопку и горючее подключилось к колонке, находящейся с противоположной стороны.

– «Никогда не сдавайся!» – процитировала Ксения надпись с кружки.

К колонке, которую случайно оплатила Ксения, подъехал микроавтобус, и Ксения мгновенно подскочила к вышедшему из него водителю:

– Вы на пятьсот рублей будете заправляться?

Водитель отшатнулся и сказал, извлекая из бумажника пятисотрублевую купюру:

– Да.

Ксения сказала:

– Тогда отдайте мне ваши пятьсот рублей.

Водитель молча уставился на странную незнакомку, а Ксения пояснила:

– Я ошиблась и подключила вашу колонку. У Вас дизель?

– Да, – водитель микроавтобуса установил пистолет в бак и удивился, что горючее сразу зашумело по шлангу.

Купюру мужчина из рук не выпускал, и Ксения сказала:

– Вы не сомневайтесь, там на пятьсот.

Водитель микроавтобуса отдал Ксении деньги, и Ксения отправила их в автомат, который «сдачи не дает».

Сережа спросил:

– Мама, ты хоть что-нибудь можешь сделать без приключений?

– Поверь, сынок, я очень стараюсь.

Никита рассмеялся:

– А если что, так мы бы этот автомат избили бы, правда, мам? Он ведь сдачи не дает! Драться с ним не опасно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.